МАТЕРИАЛЫ

VI

СОВЕТСКО-ФИНЛЯНДСКОГО СИМПОЗИУМА ИСТОРИКОВ

РОССИЯ И ФИНЛЯНДИЯ

1700–1917

*

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ СССР

ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

*

NEUVOSTOLIITON TIEDEAKATEMIA

NEUVOSTOLIITON HISTORIAN TIETEELLINEN TUTKIMUSLAITOS

LENINGRADIN OSASTO

*

ACADEMY OF SCIENCES

INSTITUTE OF HISTORY OF THE USSR

LENINGRAD BRANCH

*

*

THE REPORTS OF THE VI SOVIET-FINNISH SYMPOSIUM

November 1977

RUSSIA AND FINLAND 1700—1917

KUUDENNEN NEUVOSTOLIITTOLAIS — SUOMALAISEN SYMPOSIUMIN AINEISTOA

Marraskuu 1977

VENÄJÄ JA SUOMI 1700—1917

*

EDITORS

J. S. KUKUSHKIN
and I. P. SHASKOLSKY

PÄÄTOIMITTAJAT

J. S. KUKUSCHKIN,
I. P. SCHASKOLSKIJ

*

«NAUKA» PUBLISHERS
LENINGRAD BRANCH
LENINGRAD · 1980

KIRJAPAINO «NAUKA» (TIEDE)
LENINGRADIN OSASTO
LENINGRAD v. 1980

*

МАТЕРИАЛЫ VI СОВЕТСКО-ФИНЛЯНДСКОГО СИМПОЗИУМА ИСТОРИКОВ

*

РОССИЯ И ФИНЛЯНДИЯ 1700—1917

*

ОТВЕТСТВЕННЫЕ РЕДАКТОРЫ
чл.-кор. АН СССР Ю. С. КУКУШКИН
и И. П. ШАСКОЛЬСКИЙ

ЛЕНИНГРАД
«НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
1980

фактом, что восточные части нашей страны, имевшие самые оживленные контакты с Россией, отличаются от западных по признакам культуры, истории развития идей, а также и в политическом отношении.[47] Здесь переселенческое движение вполне очевидно сыграло роль одного из многих факторов.

Д. филол. н. Э. Карху

(Институт языка, литературы и истории Карельского филиала АН СССР)

ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ ФИНСКО-РУССКОГО НАУЧНО-КУЛЬТУРНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА В КОНЦЕ XVIII—НАЧАЛЕ XIX В.

Научно-культурные интересы финнов к России и русских к Финляндии были в конце XVIII—начале XIX в. еще эпизодическими и, может показаться, случайными. При кажущейся их случайности можно, однако, отметить постепенно складывавшуюся тенденцию их развития, которая определялась тогдашней общеисторической ситуацией. Образованные люди в обеих странах стали так или иначе осознавать желательность взаимных научно-культурных контактов; мысль об этом возникала как назревшая потребность исторического момента. В связи с этим имели место первые попытки сознательной постановки проблемы научно-культурного сотрудничества на будущее. То, как это происходило и какие имело результаты в указанную эпоху, и составляет предмет дальнейшего изложения.

Под исторической ситуацией, вызвавшей к жизни проблему научно-культурного сотрудничества, подразумевается как внутреннее развитие обоих народов, так и их внешнеполитические взаимоотношения. К этому следует добавить влияние тогдашней общеевропейской духовной атмосферы в целом.

Еще в XVIII в., когда Финляндия входила в состав Швеции, в финском обществе наметился определенный рост национального самосознания. В любой стране, в том числе в Финляндии, рост национального самосознания предполагал пробуждение интереса к истории своего народа, его прошлому и настоящему, к его языку, фольклору, обычаям, развитие интереса к тому, какое место данный народ занимает в мире среди других народов, в каких лингво-этнических, культурно-исторических и прочих отношениях он с ними состоял и состоит. Процесс такого национального самопознания обычно сложен и многосторонен, он длится долго и стимулируется общественно-экономическим, политическим, общекуль-

[47] Karste-Liikanen G., op. cit.; Klinge M. Östra Finland i 1800-talets politiska idespektrum. — Historisk tidskrift för Finland, 1970, s. 129—152; Alapuro R. Regional Variations in Political Mobilization. On the Incorporation of the Agrarian Population into the State in Finland 1907—1932. — Scandinavian Journal of History, 1976, s. 215—242.

турным развитием данного народа. В итоге такого самопознания народ глубже постигает как свое родство с остальным человечеством, так и свою национальную самобытность.

В первой половине XVIII в. национальные настроения в Финляндии получили специфическую форму так называемого феннофильского культурного течения. Феннофильская идеология была формой протеста против идеологии и политики шведского великодержавия. Феннофилы стали проявлять интерес к прошлому и настоящему финнов, их языку и культуре. Своей «любовью ко всему финскому» они хотели выступить в защиту угнетенного и униженного финского народа, сделать его известным культурному миру. Как писал Д. Юслениус в своем сочинении «Старый и новый Турку» (1700 г.), он хотел способствовать тому, чтобы «спасти наше любезное отечество от забвения, оградить его от презрения недругов». И он был готов к тому, чтобы встретить не только одобрение единомышленников, но и «ненависть и насмешки тех, кто хочет унизить нашу Суоми, считая ее никчемным и недостойным предметом исследований».

Однако раннее феннофильство (в первой половине XVIII в.) было еще связано в большей степени с мифологией, чем с наукой. Исторические знания тогда были еще весьма ограничены. Ранние феннофилы выводили прошлое финского народа из библейской мифологии. По Юслениусу, финны были прямыми потомками Яфета, и на север они переселились под предводительством Магога, их «короля». Подобные представления о древнем прошлом народов были тогда распространенными (к ним прибегали на свой лад и идеологи шведского великодержавия).

Свойство научного знания феннофильство стало приобретать лишь во второй половине XVIII в., когда в Финляндии распространились идеи Просвещения, рационалистической философии. Из наиболее значительных финских просветителей следует отметить А. Чудениуса (1729—1803), Х. Г. Портана (1739—1804), К. Ганандера (1741—1790).

В социальном отношении просветительская идеология была антифеодальной идеологией. Просветители требовали отмены сословно-феодальных общественных институтов, которые к тому времени уже исторически изжили себя и стали помехой дальнейшего прогресса. Особенно отчетливо антифеодальная направленность проявляется в деятельности Чудениуса, но также у Портана и Ганандера, а в начале XIX в. — у Я. Ютейни и других писателей.

Финляндские просветители XVIII в. находились в основном под влиянием англо-французского и отчасти немецкого просветительства. Но в этот же период некоторые из них стали время от времени обращать свои взоры и на восток, в сторону России, вовлекая в круг своих научных и литературных интересов отдельные явления русской культуры.

Это внимание к духовной жизни России было симптоматичным на фоне русско-шведских политических отношений того времени. В Финляндии давали о себе знать сепаратистские настроения, причем к концу XVIII в. они проявлялись уже в действии, а не только подспудно, о чем свидетельствует так называемый Аньяльский союз 1788 г., когда офи-

церы шведской армии из числа финляндских дворян, недовольные политикой Густава III, мечтали об отделении Финляндии от Швеции, рассчитывая при этом на помощь со стороны России. Политическая ориентация на Россию получила в Финляндии уже известную почву, и пренебрегать этим фактом было невозможно, он побуждал финляндских литераторов интересоваться Россией также в научно-культурном смысле.

Х. Г. Портан и пробуждающееся финно-угроведение

Относительно возросший интерес к России имел, кроме того, еще одну, весьма существенную для финнов, причину. В их восприятии Россия была не только страной русских, но и родиной многих финно-угорских племен и народов. В поисках своей собственной прародины финны неизменно приходили к выводу, что она затерялась где-то на необъятных просторах России. По Портану, финны пришли из Прикаспия, М. Кастрен отыскивал их колыбель на Алтае. Менялись и уточнялись гипотезы, но Россия по-прежнему оставалась, по выражению Г. Паландера, «обетованной землей» финно-угорских народов. И естественно, что на заре национального пробуждения в Финляндии, когда финны все отчетливее стали осознавать свою этническую общность, возникла необходимость научно определить свое место среди родственных и соседних народов, а это требовало сравнительного изучения их истории, языка, культуры. Такое изучение в конце XVIII в. делало лишь первые шаги, но уже тогда постепенно прояснялось, что в подобных разысканиях небезынтересно обращаться к русской науке и культуре.

Портан писал в 1778 г.: «Шестому выпуску моей „De poësi fennica“ («О финской поэзии») я намерен, по совету камергера Буреншёльда, предпослать исследование в эпистолярной форме относительно происхождения и древности финского народа, равно как о некоторых других вопросах такого же характера. Если мне удастся найти несколько русских песен, подобных тем, о которых упоминается в предисловии к французскому переводу „Чесменского боя“ Хераскова, то по ним я смогу выяснить кое-что о возрасте финских рун, поскольку эти песни, как полагают, сходны с рунами и совершенно отличаются от современной русской поэзии. Бытующие среди православных карел плачи, которых у меня накопился целый сборник для последующих частей „De poësi fennica“, представляют собой, по-видимому, промежуточную форму между русскими песнями и финскими рунами».[1]

Замысел Портана относительно сравнительного изучения карело-финских рун и русских народных песен не был осуществлен: увлекшись другими исследованиями, он уже не возвращался к «Финской поэзии», и пятый ее выпуск (1778) остался вместе с тем и последним. Замысел этот примечателен, однако, тем, что здесь Портан почти на полстолетия предвосхитил до известной степени идею финно-угроведа А. Шёгрена о целесообразности изучения истории и культуры русского и финно-

[1] Palander G. H. G. Porthan. Elämäkerran luonnos. Helsinki, 1904, s. 49.

угорского народов не изолированно друг от друга, а во взаимопроникновении различных национальных начал.

Следует напомнить, что то предисловие к французскому переводу «Чесменского боя» Хераскова, на которое ссылался Портан, принадлежит перу самого Хераскова. Автор написал предисловие в 1772 г. специально на французском языке (на русский язык оно было переведено позднее исследователями под стиль XVIII в.). Исследователи считают это предисловие одним из наиболее значительных историко-литературных обзоров, оставшихся нам от русской литературы XVIII в. По свидетельству П. Н. Беркова, объем сообщаемых Херасковым сведений далеко превосходит более ранние обзоры и «даже ряд последующих по времени историко-литературных работ».[2] Вместе с тем это «Рассуждение о российском стихотворстве» касалось и фольклора. Как заметил М. К. Азадовский, оно представляет собой первый в русской литературе опыт включения народной поэзии в общее литературное развитие.[3] Всякая литература, по мнению Хераскова, начинается с фольклора, и русские в этом отношении не представляют исключения. «В происхождении своем стихотворство российское имеет начала, всем народам общие», у его истоков лежат древние песни, «кои от поколения к поколению передавали памятные приключения победоносных рыцарей наших». В предисловии называются «песни об Илье Муромце, о пирах Владимировых и им подобные». Упоминание о них и привлекло внимание Портана.

Херасков придерживался, однако, узкопросветительских взглядов на фольклор. Памятники народной поэзии ценны для него только с точки зрения их исторической достоверности, лишь в той мере, в какой они «повествуют нам о событиях древности». Эстетическим же значением народной поэзии он еще совершенно пренебрегает, считая ее проявлением низкой ступени культурного развития, продуктом эпохи, весьма неблагоприятной для расцвета поэзии. Бряцание оружием в ту пору «глас муз заглушало. Посреди невежества, кое весь Север и всю почти Европу тогда помрачало, дух сих певцов-воителей ниоткуда не мог почерпать просвещения... Таковы были стези грубые, коими следовали Музы во времена сии отдаленные, дабы водрузиться в нашем отечестве». Татарское иго, указывал Херасков, надолго задержало развитие русской литературы, и даже после разгрома поработителей время еще не сразу стало «удобным для просвещения россиян». Науки ожидали воцарения Петра. С тех пор продвинулось вперед и развитие литературы. Симеон Полоцкий писал еще «безобразными стихами», Кантемир и Тредиаковский «исправили в некотором роде» русское стихосложение, и только великий Ломоносов обучил «россиян правилам истинного стихотворения». Далее следовали краткие сведения о А. Сумарокове, В. Майкове, Д. Фонвизине.

---

[2] «Рассуждение о российском стихотворстве». Неизвестная статья М. М. Хераскова. Публикация и перевод П. Беркова. — Литературное наследство, 1933, т. 9—10, с. 287—294.

[3] Азадовский М. К. История русской фольклористики. М., 1958, с. 92.

Эта справка о русской литературе и позволяла Портану заключить, что древние русские песни «совершенно отличаются от современной поэзии».

На народную поэзию Портан смотрел уже несколько иначе, чем смотрел Херасков. Правда, и ему был подчас присущ слишком рационалистический подход к фольклору, особенно к некоторым его жанрам — заклинательным рунам и народным мифам, но в целом Портан уделял уже больше внимания эстетической стороне фольклора. Недаром «Финская поэзия» стала главным трудом его жизни. В этом сочинении подробно рассматриваются особенности поэтики карело-финских народных рун (такие явления, как аллитерация, инверсия, повторы), описывается традиционная манера исполнения произведений различных фольклорных жанров и даются сведения об условиях их бытования. Сознавая, что древние руны — это уходящая культура, особенно в экономически наиболее развитых прибрежных районах Финляндии, Портан признает художественную ценность этой культуры, он видит в рунах прежде всего поэзию, а не проявление варварства, но ее гибель под давлением новых обстоятельств он еще не воспринимает трагически и не оплакивает ее с той элегической грустью, какая была характерна позднее для некоторых романтиков. Херасков ставил «просвещенную» книжную поэзию выше народной, а романтики, напротив, подчеркивали превосходство последней. Что же касается Портана, то он, еще с почтением отзываясь о правилах поэтики классицизма, одновременно призывал использовать также опыт фольклора для развития национальной литературы.

Некоторый интерес к русскому фольклору обнаруживал К. Ганандер, современник Портана, фольклорист и этнограф, известный прежде всего своим сочинением «Финская мифология». В 1787 г. Ганандер напечатал на финском языке «Русскую свадебную песню». Как считают финляндские исследователи, это был первый перевод с русского на финский.

Более близкому знакомству финнов с русской культурой мешали языковые преграды. Характерно, что Портан читал Хераскова на французском языке.

Вместе с тем культурное значение русского языка становилось для финнов очевидным. Рассуждая о необходимости создания сравнительного словаря финно-угорских языков, Портан в 1782 г. писал: «Первый шаг заключается в том, чтобы овладеть русским языком, ибо на нем появлялись грамматики и лексиконы тех финских наречий, на которых говорят многие финские народности, живущие в России; но чтобы разобраться в том, что действительно является финским, надобно знать также татарский, турецкий, монгольский и прочие языки».[4]

Для Портана овладение русским и другими упомянутыми им языками так и осталось мечтой. Некоторое время финны вынуждены были еще переводить русских авторов не с русского, а с других переводов, пока не появилось новое поколение ученых и литераторов, знающих русский язык.

---

[4] Palander G. H. G. Porthan, s. 165.

Новые стимулы после 1809 г.

После 1809 г., когда Финляндия вошла на правах автономии в состав России, развитие научно-культурных и литературных контактов стало более целеустремленным.

В связи с ростом финского национального движения новые задачи возникли перед финской наукой, культурой, литературой. Начинается широкое собирание фольклора, изучение финского, карельского, других родственных языков. Углубляются исторические знания финнов о самих себе. Правда, в Финляндии первой половины XIX в. еще вспыхивали споры на тему: «Есть ли у финского народа своя история?» (на такую тему выступил, в частности, С. Топелиус), но постепенно утверждалась мысль: раз существует народ, значит он имеет свою историю.

Это национальное самопознание опять-таки осуществлялось через межнациональные контакты. Например, в период так называемого «туркуского романтизма» (1810—1820-е гг.) научно-литературные интересы финнов стали более разносторонними, охватывая не только западно-европейские литературы, но и русскую. Дело не ограничивалось только тем, что в университете преподавалась русская словесность. Ряд финляндских литераторов проявлял самостоятельный интерес к русской культуре. Несмотря на взаимные опасения и недоверие, постепенно зародилась идея русско-финляндского культурного сотрудничества. Некоторые литераторы подавали тому личный пример. Узами дружбы и общих интересов были связаны А. Шёгрен и Ф. Глинка, А. Гиппинг и В. Брайкевич — оба последних встречались в Вольном обществе любителей российской словесности. Эти связи явились предтечей уже более частых личных встреч русских и финляндских литераторов в 40-е гг.

В 10—20-е гг. в России прошлого столетия появляются первые статьи о финляндской литературе, а в Финляндии — о русской, равно как и первые переводы русских авторов. Правда, практические возможности для ознакомления финнов с русской литературой в ту пору оставались еще очень скромными. Было мало периодических изданий, узок был круг читателей, в связи с чем издание каждой новой книги наталкивалось на серьезные материальные затруднения. Сказывалось и незнание языков: литераторы, владеющие русским языком, были в Финляндии редкостью, а в России мало кто знал шведский язык, тем более финский. Не случайно при первых же дружеских встречах финляндских и русских литераторов встал вопрос о взаимной помощи при переводах: Шёгрен переводил для Ф. Глинки карело-финские руны, а Брайкевич перевел (с немецкого) статью Гиппинга.

В первом номере финляндской «Мнемозины», вышедшем 2 января 1819 г., редакция, обращаясь к читателям с призывом присылать в журнал материалы по отечественной словесности, тут же добавляла: «Что касается русской литературы, то мы ожидаем столь же благосклонного содействия со стороны ее друзей и знатоков». Правда, эти добрые намерения редакции осуществлялись слабо, как, впрочем, и ее обещания уделять серьезное внимание финской литературе. Русских материалов в «Мнемозине» печаталось немного. В 1820 г. (№ 42, 44) появилась пе-

реводная статья А. Писарева «Краткие сведения о славянской мифологии»; в ряде номеров за 1821—1822 гг. публиковались статьи об изучении русского языка в финляндских учебных заведениях; и наконец в апрельском номере за 1823 г. была помещена сравнительно обстоятельная статья из истории русского театра — «Зарождение драматургии в России». В статье рассказывалось о Симеоне Полоцком, о театре Волкова, о театральной деятельности Сумарокова.

Попытки освещать культурную жизнь России предпринимались также в «Або Моргонбладет» А. И. Арвидссона. Как и большинство его соотечественников, Арвидссон не владел русским языком, и это обстоятельство мешало ему непосредственно знакомиться с русской литературой. Но оставались некоторые другие возможности. Одной из них была связь Арвидссона с проживавшими в Петербурге финнами, в той или иной мере осведомленными в русской культурной жизни. В числе петербургских знакомых Арвидссона были А. Шёгрен, К. С. Форсман, книготорговец Бруцелиус. Люди, знающие русский язык, были и в Або например Эрстрём, с которым Арвидссон полемизировал по поводу преподавания русского языка финляндским студентам. Сведения о русской литературе, приобретенные Арвидссоном в ходе общения с упомянутыми лицами, едва ли могли быть особо глубокими и обширными. Но у него, видимо, были какие-то основания заявить, например, что и в России имела место борьба между романтиками и классицистами. В «Невинных безделках» он подчеркивал, что «литературное направление, известное под названием новой школы, не есть лишь чисто шведское явление, но обнаружило себя также в Дании, Англии, Франции, Италии и России».[5]

В русских материалах «Або Моргонбладета», при всей их скудости, наблюдается определенная политическая тенденция, отличная от направления «Мнемозины». Либеральная оппозиционность Арвидссона сказалась и в выборе «русских тем». В трех номерах «Або Моргонбладет», была, например, опубликована обширная рецензия на книгу Л. Якоба о преимуществах труда свободных крестьян по сравнению с крепостными.

Как известно, в конце XVIII и в начале XIX в. вопрос об освобождении крестьян России от крепостной зависимости стал уже настолько острым, что вопреки всем препонам превратился в предмет гласного обсуждения. После радищевского «Путешествия из Петербурга в Москву» вышли книги Пнина, Кайсарова, Стройновского, где разными доводами обосновывалась необходимость отмены крепостного права. В 1812 г. Вольное экономическое общество объявило конкурс «о сравнительной выгодности крепостного и вольнонаемного труда». Упомянутое сочинение профессора Якоба и явилось откликом на этот конкурс. Оно было удостоено высшей награды и опубликовано на немецком языке. Рецензия в «Або Моргонбладет» была написана на шведский перевод этой книги, вышедшей в 1820 г. в Хельсинки.[6]

Рекомендуя финляндскому читателю сочинение Якоба, рецензент указывал, что оно заслуживает внимания во многих отношениях. Любозна-

---

[5] Oskyldigt ingenting. Åbo, 1821, s. 12.

[6] Jacob L. Afhandling om lifegna och fria bönders arbete. Helsingfors, 1820.

тельный читатель мог почерпнуть из книги сведения об экономическом положении крестьянства в России и сравнить русское земледелие с финским. Оговорив, что сам он не является экономистом, рецензент тем не менее отметил, что на основании приведенных в книге Якоба данных можно было заключить, что финские крестьяне находились в лучшем положении, чем русские крепостные. Для доказательства в рецензии приводились большие выдержки из книги, а также давалось объяснение таких понятий, как тягло, барщина, оброк, боярские дети, хлопоты, дворовые люди, пахотные крестьяне и т. д. В заключение рецензент писал: «Мы надеемся, что с этой книгой ознакомится каждый читатель, желающий узнать о пагубных последствиях крепостничества».

Нечто познавательное для себя мог найти финляндский читатель и в помещенной в «Або Моргонбладет» (№ 8, 9) статье «Колонии на юге России». Эту статью, как указывает Л. Кастрен, написал А. Шёгрен. В статье рассказывалось о колонизации Закавказья, Крыма и других причерноморских областей, давались сведения о населении, чрезвычайно пестром по национальному составу.

Как об одной из ранних попыток популяризации русской книги в Финляндии следует упомянуть о помещенном в «Або Моргонбладет» (№ 14) объявлении касательно книжных фондов петербургского книготорговца Плавильщикова. В этой краткой заметке, подготовленной К. С. Форсманом, сообщалось, что Плавильщиков издал новый книжный каталог, не уступающий лучшим немецким образцам, и тем самым оказал услугу отечественной словесности. Каталог включал более семи тысяч названий книг и журналов, в том числе произведения русской литературы XVIII в. Из числа наиболее важных сочинений в объявлении упоминались журналы: «Адская почта» Ф. Эмина, «Трутень» и «Живописец» Н. Новикова.

В 1825 г. в Або вышел в шведском переводе «Кавказский пленник» А. С. Пушкина.[7] Это был первый перевод пушкинской поэзии в Финляндии.

Перевел поэму Ф. А. Платен, личность в литературном отношении ничем особо не примечательная, но большой знаток языков, в том числе русского. Офицер шведской армии, участник последней войны между Россией и Швецией, Платен после капитуляции гарнизона Свеаборгской крепости был пленен и отправлен до окончания военных действий в Великий Устюг Вологодской губернии. Здесь, видимо, и началось его знакомство с русским языком. В. Сёдерьельм упоминает, что в бумагах Платена от этого времени сохранилась запись русской песни, сделанная рукой местной жительницы.[8] После плена Платен некоторое время провел в Швеции, но в 1814 г. приехал в Петербург и поступил на гражданскую службу, сначала в особо учрежденный финляндский комитет, затем в министерство иностранных дел. Платен пытался сочинять политические трактаты, писал стихи по-шведски и по-французски, переводил с нескольких языков. В начале 20-х гг. он, уйдя в отставку, переселился в Финляндию, где и издал «Кавказского пленника».

---

[7] Puschkin A. Minne af Kaukasien. Åbo, 1825.
[8] Söderhjelm W. Profiler ur finskt kulturliv. Helsingfors, 1913, s. 287.

Переводу пушкинской поэмы Платен предпослал стихотворное посвящение поэту. Здесь говорится о том, что муза Пушкина, посетившая Кавказ и воспевшая этот край в благозвучных стихах, теперь должна была облечься в иноязычные одежды и примириться с тем, что в них она уже не выглядела столь прекрасной, как на родной почве. Платен сравнил Пушкина с Тегнером. По его словам, это были две звезды по обе стороны Финляндии. В примечаниях к поэме давались краткие биографические сведения о Пушкине.

В конце 40-х гг. у Платена возникла мысль издать доработанный перевод «Кавказского пленника», тем более что значительная часть прежнего тиража погибла при пожаре в Або в 1827 г. Платен подготовил и предисловие для нового издания, которое, однако, почему-то тогда не вышло. В 1882 г. «Кавказский пленник» в переводе Платена был опубликован в журнале «Финск Тидскрифт».

Перевод этой пушкинской поэмы следует рассматривать как одно из проявлений пробудившегося интереса финнов к европейской романтической поэзии. Платен переводил также Мандзони, Ламартина, в 20-е гг. появились переводы Байрона, Мура, Шатобриана. Пушкина финны восприняли как выдающегося представителя русского романтизма. В связи с выходом в свет «Кавказского пленника» в переводе Платена газета «Або Тиднингар» (№ 19, 1826) писала, что литература Финляндии тем самым обогатилась сочинением «очень популярного на своей родине молодого поэта». Газета рекомендовала перевод не только потому, что он давал финнам возможность ознакомиться с русской поэзией, большинству из них еще малоизвестной, но и по той причине, что «эта поэма, взятая сама по себе, должна заинтересовать всякого образованного читателя безыскусственностью рассказа и добротностью стиха».

А. И. Шёгрен и идея научно-культурного сотрудничества

После присоединения Финляндии к России более осознанно стала выдвигаться идея русско-финляндского культурного сотрудничества. Ее сторонником был А. И. Шёгрен (1794—1855), известный финноугровед, впоследствии член Петербургской Академии наук.

В 1955 г. была впервые опубликована автобиография Шёгрена,[9] которая содержит много любопытных сведений об этом замечательном человеке и ученом. Сын сельского сапожника, Шёгрен сумел получить всестороннее гуманитарное образование. В автобиографии он рассказывает, что еще в лицее у него зародилась жажда знаний. Особенно повлияло на него чтение Гердера, привившего ему любовь к духовной культуре простого народа. Летом 1816 г. один из товарищей Шёгрена по университету — Строльман предложил ему провести каникулы в пасторате отца, в селе Губаница под Петербургом. Шёгрен с готовностью принял это предложение, ибо многонациональная Россия уже давно рисовалась

[9] Sjögren A. J. Tutkijan tieni. Helsinki, 1955. Из новых работ о Шёгрене см.: Branch M. Sjögren. Studies of the North. Helsinki, 1973.

его воображению как «удивительная страна живых достопримечательностей».

Вскоре Шёгрен познакомился в Петербурге с другим финном, А. Гиппингом (1788—1862), автором ряда работ по истории Ингерманландии. В ту пору Гиппинг служил в библиотеке графа Н. П. Румянцева (находившейся тогда в Петербурге) и обещал помочь Шёгрену, плохо обеспеченному материально, в получении работы в русской столице, чтобы тот имел возможность одновременно заниматься наукой. Весной 1820 г. Шёгрен согласился на место домашнего учителя в семье С. Сигнеуса, лютеранского епископа в Петербурге. Учеником Шёгрена был сын епископа Фредрик Сигнеус, будущий поэт и литературный критик.

Через Гиппинга Шёгрен получил доступ к фондам библиотеки Румянцева, в том числе по истории русской культуры. Шёгрен рассказывает, что для языковой практики он усиленно занимался переводами русских книг на немецкий язык и, в частности, перевел «Исторический словарь греко-российских писателей духовного звания» митрополита Евгения. В дальнейшем, продолжает Шёгрен, предметом его занятий стала история России, главным образом в ее отношении к истории северных стран вообще и финских народностей в особенности. С этой целью он «просмотрел „Историю“ Карамзина и сочинения многих новейших исследователей, а также сами источники, летопись Нестора и другие древнеславянские летописи, включая опубликованные к ним научные аппараты, какие только попадались на глаза».[10]

Среди петербургских знакомых Шёгрена были и некоторые русские литераторы. Он пишет, в частности, что встречался с «молодым русским писателем Лобойко», общим другом Гиппинга и датского филолога Расмуса Раска, который также находился в Петербурге и с которым сам Шёгрен познакомился еще в Або. Очевидно, речь идет об И. Н. Лобойко (1787—1861), воспитаннике Харьковского университета, а впоследствии профессоре Виленского университета. И. Н. Лобойко интересовался скандинавской филологией, опубликовал книгу «Взгляд на древнюю словесность скандинавского севера» (СПб., 1821), в которой даются сведения о скандинавских языках, древнеисландских скальдах, сагах и обычаях, о скандинавской историографии, а в конце книги автор выражает признательность «почтенному моему наставнику» Расмусу Раску, пробудившему в нем интерес к скандинавистике.

Шёгрен сообщает, что Лобойко предложил ему написать сочинение о структуре финского языка, которое бы он, Лобойко, перевел затем с немецкого на русский и поместил в каком-нибудь периодическом издании с целью привлечь к предмету внимание русской общественности. Шёгрен взялся за дело, а когда рукопись была готова, Гиппинг представил ее графу Румянцеву, который заинтересовался ею и, пригласив к себе автора, предложил средства для ее издания. Так, в мае 1821 г. появилась небольшая книжка «О финском языке и литературе».[11] В ней Шёгрен пи-

[10] Sjögren A. J. Tutkijan tieni, s. 87—88.

[11] Sjögren A. J. Ueber die finnische Sprache und ihre Literatur. St.-Petersburg, 1821.

сал, что «после присоединения Финляндии к России в самой литературе наступила новая эпоха».[12] Новое заключалось, по мнению Шёгрена, в том, что финны, получив автономию, стали проявлять живой интерес к родному языку и словесности. Изложив усилия финских филологов в этой области, Шёгрен выразил надежду, что это «облегчит изучение финского языка также для наших братьев, русских. Мы уверены, что они не останутся к этому равнодушны. Уже прошли, надо полагать, те времена, когда финнов считали варварами, а на их язык смотрели как на мешанину грубых и диких звуков презренного народа. Финский язык представляет для русских не только общий интерес, какого он заслуживает уже сам по себе как язык весьма примечательный, но покажется им важным и как язык ряда слившихся с ним народностей, в результате изучения которых многое может проясниться в самой русской истории. И только после того, как русские и финны будут также и в области литературы трудиться по-братски вместе на благо их общего отечества, только тогда можно надеяться, что их обоюдные исторические изыскания будут отличаться большей проницательностью и широтой кругозора. Только тогда возможно изучать и проживающие среди русских финские племена, сравнить их с точки зрения языка и обычаев с собственно финнами, а также выяснить их отношения как между собой, так и с русскими».[13]

Деятельность самого Шёгрена, его работу в Петербургской Академии наук можно рассматривать как практическое служение идее русско-финляндского культурного сотрудничества. Помимо своих научных изысканий Шёгрен содействовал взаимному культурному сближению финнов и русских также посредством личных связей. Живя в Петербурге и имея возможность следить за русской научно-литературной жизнью, он вместе с тем был в курсе событий на своей родине, переписывался с очень многими финляндскими литераторами, а иногда и встречался с ними либо в Хельсинки, либо в русской столице и оказывал им всяческую помощь, как например М. Кастрену в период его научных странствий по Сибири.

Шёгрен был лингвист, в первую очередь его занимали вопросы сравнительного языкознания. Но наряду с этим он питал интерес и к народной поэзии. Уже в упомянутой его книге «О финском языке и литературе» были приведены в качестве приложения финские пословицы. В дальнейшем Шёгрен записывал народные руны в Карелии и, будучи в конце 1827 г. в Петрозаводске, встретился там с ссыльным поэтом Федором Глинкой. Еще на заседаниях Вольного общества любителей российской словесности Ф. Глинка, президент этого общества, мог получить некоторые сведения о карело-финской народной поэзии. Кандидат Харьковского университета В. И. Брайкевич в 1820—1821 гг. читал на трех заседаниях Вольного общества большую статью «О северной поэзии, ее происхождении и характере», содержавшую довольно много сведений о карело-финских рунах. Теперь же, при встрече с Шёгреном в Петрозаводске, Глинка познакомился с текстами нескольких рун в «изустном переводе» своего нового друга. Глинка, в ту пору занятый своими «Ка-

[12] Ibid., s. 2.
[13] Ibid., s. 7—8.

рельскими поэмами», живо заинтересовался рунами и не замедлил переложить отдельные отрывки из них на русский язык. В 1828 г. в журнале «Славянин» появились в переводе Ф. Глинки фрагменты руны о состязании в пений между Вяйнямейненом и Иоукахайненом («Вейнамена и Юковайна»). В другом переводе Глинки — «Рождение арфы» — описывается изготовление кантеле Вяйнямейненом. Переводчик сообщал, что «это древнее финское стихотворение, написанное размером подлинника, с изустного перевода проф. Шёгрена». В примечании Глинка писал: «Известный профессор Шёгрен два раза проходил скалистую Финляндию и олонецкие леса с целью исследования языка финских племен. По зимам заходил он отогреться в Петрозаводск и словесно переводил мне некоторые из финских стихотворений, имеющих свой особенный размер без рифм, но звучный и приятный».[14] В бумагах Ф. Глинки, как об этом сообщает В. Г. Базанов, сохранилось дружеское стихотворное послание поэта к Шёгрену под названием «Петрозаводская руна».

Дружеская встреча Шёгрена с Глинкой оказалась плодотворной. В. Базанов справедливо называет Глинку первым русским переводчиком карело-финских рун.[15] С другой стороны, Шёгрена интересовал русский фольклор. Как отмечает финляндский исследователь И. Хейкинхеймо, Шёгрен еще в 1816 г., во время пребывания в Петербурге и его окрестностях, записывал русские народные песни, которые настолько увлекали его «своей сердечной и как бы улыбающейся меланхолией», что для него стало привычкой подолгу напевать их, и он даже намеревался подготовить их переводы. Когда Шёгрен сообщил об этих своих увлечениях К. А. Готлунду, тогда еще молодому студенту в Упсале, только готовившемуся к открытому выступлению за права финского языка, тот отнесся к занятиям своего друга весьма ревниво и даже опасался, что славянская филология отвлечет Шёгрена от изучения финно-угорских языков. Готлунд не замедлил осыпать его упреками, которые Шёгрен воспринял без обиды и даже с удовлетворением, ибо в горячности Готлунда увидел один из симптомов роста финского национального самосознания и интереса к духовной культуре родного народа.[16]

Об упомянутом А. Гиппинге следует добавить, что он являлся членом-сотрудником Вольного общества любителей российской словесности. Гиппинг был командирован в Петербург финляндским сенатом для собирания исторических материалов из русских архивов. Еще в 1810 г. он издал шведско-русский разговорник.[17] В Вольное общество он был принят 12 января 1820 г. и, судя по протоколам, присутствовал на ряде заседаний.[18] 22 марта этого года на том же самом заседании, на котором

---

[14] Глинка Ф. Избранное. Подготовка текста к печати, примечание и послесловие В. Г. Базанова. Петрозаводск, 1949, с. 104.

[15] Базанов В. Карельские поэмы Федора Глинки. Петрозаводск, 1945, с. 107.

[16] Heikinheimo I., K. A. Gottlund. Elämä ja toiminta, I. Porvoo, 1933, s. 273, 274.

[17] Hipping A. Försök till svenska och ryska samtal. Petersburg, 1810.

[18] См.: Журнал ученых упражнений высочайше утвержденного С.-Петербургского Вольного общества любителей российской словесности. — Приложение к кн.: Базанов В. Вольное общество любителей российской словесности. Петрозаводск, 1949, с. 325—410.

В. И. Брайкевич начал чтение своей статьи«О северной поэзии, ее происхождении и характере», было заслушано также сочинение Гиппинга «Об упоминаемом в славянских летописях походе русских в Финляндию» в переводе с немецкого языка, на котором это сочинение в 1820 г. вышло в Петербурге.[19] 11 октября того же года была зачитана статья Гиппинга «О финской литературе» в переводе (с немецкого же) В. И. Брайкевича. Статья была одобрена и вскоре напечатана. В начале статьи переводчик писал: «Прошло десять лет, как Финляндия соединена с Россиею, но у нас никто еще до сих пор не писал о ее литературе. По сей причине почтенный А. Гиппинг, урожденный финляндец, желая изъявить вам, милостивые государи, благодарность свою за избрание его в сочлены вашего общества, предложил мне перевести его сочинение о сем предмете».[20] В статье подчеркивалось, что под финской литературой следует понимать сочинения не только на финском, но и на шведском и латинском языках (укажем, что на протяжении первой половины XIX в. и даже несколько позднее университетские диссертации в Финляндии писались часто еще на латыни). В статье упоминалось о распространенности шведского языка в образованных финляндских кругах, и «по сему на языке природном (финском), предоставленном единственно простому народу, писали весьма немногие, однако же занимались исследованием свойств его».[21] Перечислению и краткой характеристике существовавших в то время грамматик финского языка и была в основном посвящена статья Гиппинга. Любопытно замечание автора о Якко Ютейни (в статье именуется Юден), выпустившем много книг для крестьян. Гиппинг писал о нем, что это был «давно уже известный своими стихотворческими сочинениями и любимый всеми писатель».[22]

Можно полагать, что Брайкевичу при написании его статьи «О северной поэзии» (статья эта в основном компилятивно-переводная, что оговорено в «Журнале ученых упражнений») помогал советами и справками Гиппинг, который мог порекомендовать нужные сочинения. В частности, незадолго до того в Швеции вышли книги Ф. Рюса «Финляндия и ее жители» (1817) и Д. Шрётера «Финские руны» (1819); обе эти книги, содержавшие сведения о народной поэзии, вызвали значительный резонанс в Финляндии и были, по всей вероятности, известны Гиппингу.

Известно, что с 1823 г. Гиппинг был уже пастором в Финляндии. В дальнейшем он писал историю Ингерманландии, в 1836 г. вышел первый ее том,[23] а в 1853 г. последующий том еще в рукописи был удостоен Демидовской премии.

[19] Hipping A. Bemerkungen ueber einen Kriegszug der Russen nach Finland. Petersburg, 1820.

[20] Гиппинг А. И. О финской литературе. — Соревнователь просвещения и благотворения, 1820, VII, с. 213.

[21] Там же, с. 213, 214.

[22] Там же, с. 215.

[23] Hipping A. Neva och Nyenskans intill St.-Petersburgs anläggning, I. Helsingfors, 1836.

Ввиду важности для русской науки этого труда, освещающего предысторию столицы России, еще в середине XIX в. Академия наук подготовила перевод на русский язык обоих его томов и их опубликовала: Гиппинг А. И. Нева и Ниен-

О Гиппинге писал Я. Грот в своей статье «Ученая беседа в Гельсингфорсе», напечатанной в 1846 г. в «Современнике». Он охарактеризовал Гиппинга как одного из самых «деятельных членов общества и ученых Финляндии вообще. Труды его тем занимательнее для нас, что по большей части касаются вопросов, тесно связанных с историею русской старины... Г. Гиппинг сверх того — автор первой статьи, появившейся в русском журнале касательно финляндской литературы». Далее Грот привел выдержку из упомянутой уже статьи в «Соревнователе», которою, по его словам, «тогда только что вводился новый интерес в нашу словесность».[24]

Этот интерес к Финляндии вытекал из тех общих задач, которые выдвигались русскими романтиками 20-х гг. В борьбе за национальную самобытность литературы было обращено особое внимание на тот факт, что Россия объединяет в себе необычайное многообразие племен и народов. В этой этнической пестроте романтики открыли для себя новый предмет поэзии, отличающийся богатством «местного колорита». Орест Сомов, один из тогдашних теоретиков русского романтизма, восклицал: «Сколько народов слилось под одно название русских или зависят от России, не отделяясь ни пространством земель чужих, ни морями далекими! Сколько разных обликов, нравов и обычаев представляются испытующему взору в одном объеме России совокупной!» Обращая внимание русских писателей также и на финский народ, Сомов призывал их «окинуть взором края России, обитаемые пылкими поляками и литовцами, народами финского и скандинавского происхождения, обитателями средней Колхиды, потомками переселенцев, видевших Овидия, остатками некогда грозных России татар, многоразличными племенами Сибири и островов, кочующими поколениями монгольцев, буйными жителями Кавказа, северными лапландцами и самоедами».[25]

В 20—30-е гг. в русской поэзии появился целый ряд произведений, в которых культивировалась эта местная тематика, связанная с нерусскими национальностями России. Сюда относятся, в частности, и «Карельские поэмы» Ф. Глинки, «Песня лопаря» В. Кюхельбекера, «Эда» Е. Баратынского и его стихотворения о Финляндии.

Краткие выводы

Рассмотренные выше эпизоды научно-культурного сотрудничества в конце XVIII—начале XIX в. не были случайными и произвольными, зависящими только от вкусов и пожеланий отдельных лиц, а отражали постепенно складывавшуюся, исторически обусловленную тенденцию, которая в дальнейшем укреплялась и развивалась.

шанц, ч. I—II. СПб., 1909. Были тогда же изданы и подготовленный А. И. Гиппингом «Сборник документов, касающихся истории Невы и Ниеншанца» (Пг., 1916), а также «Карты и планы Невы и Ниеншанца, собранные Гиппингом и Куником» (Пг., 1913). (*Прим. ред.*).

[24] Грот Я. К. Труды, т. I. СПб., 1898, с. 332.

[25] Сомов О. О романтической поэзии. СПб., 1823, с. 86.

В 1840-е гг. в Финляндии участились переводы произведений русской литературы (часто на шведский, но отчасти и на финский язык). Русская литература постепенно входила в поле зрения финской критики, были случаи полемики вокруг отдельных писательских имен (например, Ф. Булгарина). С другой стороны, русские журналы («Современник», «Финский Вестник» и др.) знакомили русскую публику с научно-литературной жизнью Финляндии. В 1842 г. вышел совместный русско-финский альманах (на русском и шведском языке). Представители двух народов изучали язык друг друга (например, Э. Леннрот и Фр. Сигнеус владели русским языком, Я. К. Грот изучил шведский и финский). Подчеркивалось не только научно-культурное, но и общественно-политическое значение этой тенденции. Например, Фабиан Коллан, редактор газеты «Моргонбладет», писал в 1844 г.: «Для нас теперь особенно важна русская культура, и нам следует знакомиться с нею, ибо только зная язык русского народа, его литературу и всю духовную жизнь, мы сможем по-настоящему понять наших восточных соседей и добиться того, чтобы и они нас понимали, поскольку такое взаимопонимание чрезвычайно важно для нас также с точки зрения внешних условий нашего существования. Кроме того, культура в целом, в высших ее достижениях является общим достоянием всех народов, как это и должно быть».[26]

В последующем развитии русско-финских культурных отношений были свои приливы и отливы, подъемы и спады, однако опыт убедительно показал, что в деле взаимопонимания народов научно-культурные контакты играют немалую и весьма положительную роль.

Чл.-корр. АН СССР, д. и. н. проф. В. Л. Янин (*Московский государственный университет*)

НОВЫЕ ОТКРЫТИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ ЭКСПЕДИЦИИ В НОВГОРОДЕ[1]

II. ВЫСТУПЛЕНИЯ

Заслуж. архитектор РСФСР, проф. В. И. Пилявский (*Ленинградский инженерно-строительный институт*)

Изучение вопроса архитектурных творческих взаимосвязей между Россией и Финляндией началось лишь в последние годы. Однако эта проблема уже на данной стадии наших познаний представляет значительный интерес с точки зрения понимания развития архитектуры в XIX и XX вв. и в Финляндии, и в России, в частности в нашем городе.

До начала прошлого века предпосылок и реальных возможностей для

---

[26] Schauman A. Kuudelta vuosikymmeneltä Suomessa, I. Jyväskylä, 1924, s. 267.

[1] Содержание доклада опубликовано в журнале «Знание—сила», 1978, № 10, а также изложено в журнале «Наука и религия», 1978, № 4.

lienee kuitenkin kenraalimajuri Alexander Gripenberg, joka v. 1918 tuli Suomen Ukrainassa olevan asiainhoitajan luo ja vaati venäjäksi — koska ei osannut suomea eikä ruotsia — Suomea pysymään Venäjään yhteydessä.

E. Karhu

SUOMEN JA VENÄJÄN TIETEELLISEN YHTEISTYÖN AATE 18. VUOSISADAN LOPULLA JA 19. VUOSISADAN ALUSSA

1700-luvun suomalaiset valistusmiehet (H. G. Porthan, A. Chydenius, Kr. Ganander ym.) saivat aatteellisia vaikutteita pääasiassa Ranskan, Englannin, osittain Saksan valistusideologiasta. Tämän ohella alkoi herätä kiinnostus myös Venäjään, sen kulttuuriin ja tieteeseen, mikä johtui aikakauden yleisistä kulttuuritarpeista, mutta jossain määrin myös polittisista syistä, jos otetaan huomioon Anjalan liiton johtohenkilöiden poliittinen suuntautuminen itään. Ajan mukaan ilmestyi vielä eräs tärkeä tekijä, nimenomaan suomalais-ugrilaisen tieteenalan nousu. Jo H. G. Porthanille Venäjä ei ollut vain venäläisten maa, vaan myös monien suomalais-ugrilaisten heimojen ja kansojen maa. Etsiessään kansansa alkukotia suomalaiset tiedemiehet säännöllisesti tulivat johtopääktökseen: se oli kadoksissa jossakin Venäjän äärettömillä lakeuksilla. Suomen kansallisen heräämisen aamunkoitteessa syntyi välttämätön tarve määritellä tieteellisesti oma asema sukulais- ja naapurikansojen joukossa ja tämä vaati heidän historiansa, kielensä ja kulttuurinsa vertailevaa tutkimista. Tällaisen tutkimuksen alalla otettiin 1700-luvun lopulla vasta ensi askeleet, mutta jo silloin vähitellen selvisi, että venäläinen tiede ja kulttuuri oli siinä apuna. Porthania kiinnosti tässä mielessä venäläinen kansanrunous ja venäjän kieli, Ganander julkaisi suomentamansa venäläisen häälaulun.

Vuoden 1809 jälkeen, kun Suomi tuli autonomisin oikeuksin Venäjän yhteyteen, tieteellis-kirjallisten kontaktien kehitys muodostui määrätietoisemmaksi. Jo 1810- ja 20-luvulla Turun romantikkojen aikakausjulkaisuissa esiteltiin jossain määrin Venäjän historiaa, kirjallisuutta ja teatteria. Ilmestyi L. N. Jacobin kirjan ruotsinnos (Afhandling om lifegna och fria bönders arbete, Helsingfors 1820). F. A. Platen ruotsinsi A. S. Puškinin runoelman «Kaukasian vanki» (1825). Myös Venäjällä heräsi kiinnostus suomalaiseen kirjallisuuteen ja kansanrunouteen.

Venäläis-suomalaisen tieteellisen yhteistyön aatteen kannattajia oli A. J. Sjögren. Vuonna 1821 hän julkaisi Pietarissa suppean saksankielisen kirjan «Suomen kielestä ja kirjallisuudesta», jossa tämä aate oli tuotu selvästi esiin. Sen kehittely ja toteuttaminen jatkui sitten 1840-luvulla.

Tieteellisten kontaktien ja kultuurisuhteiden myöhemmässä kehityksessä oli omat nousunsa ja laskunsa, mutta kokemus osoittaa, että ne esittävät merkittävää ja myönteistä osaa kansojen keskinäisen ymmärtämisen asiassa.

of them from the higher social categories. Regarding those who were assimilated into the Russian community little source material has remained. Soldiers serving in distant garrisons, who were not on the books of the passport office, were especially ripe for assimilation. The example of Major-General Alexander Gripenberg is probably extreme, however: in 1918 he visited the Finnish Chargé d'Affaires in the Ukraine and demanded in Russian — since he know neither Finnish nor Swedish — that Finland should remain linked with Russia.

E. Karhu

DIE IDEE DER RUSSISCH — FINNISCHEN ZUSAMMENARBEIT ENDE DES XVIII. — ANFANG DES XIX. JHS.

Im XVIII. Jahrhundert standen die Vertreter der Aufklärungsepoche in Finnland (H. G. Porthan, A. Chydenius, Kr. Ganander) hauptsächlich unter dem Einfluss der französischen, englischen, teilweise der deutschen Aufklärungsideologie. Das war durch allgemeine Bedürfnisse der damaligen kulturellen Entwicklung bedingt, sowie auch durch die politischen Motive, wenn man die für die führende Persönlichkeiten des «Anjala-Bundes» charakteristische politische Orientierung nach Osten berücksichtigt.

Mit der Zeit machte sich noch ein wesentlicher Faktor bemerkbar: Entstehung von wissenschaftlichen finnisch-ugrischen Forschungen — der vergleichenden Sprachwissenschaft, der Folkloristik, der Volkskunde im weiten Sinne dieses Wortes. Schon für H. G. Porthan war Russland nich nur das Land von Russen, sondern auch ein Wohnort von vielen finnisch-ugrischen Völkern. Auf der Suche nach ihrer alten Urheimat gelangten finnische Gelehrten immer wieder zum Schluss, dass sie sich irgendwo in weiten Fernen Russlands verloren habe. Auf den früheren Entwicklungsstufen der Nationalbewegung in Finnland erwies es sich als notwendig, die Stelle des finnischen Volkes unter den verwandten und benachbarten Völkern vom wissenschaftlichen Standpunkt aus zu bestimmen, was eine vergleichende Untersuchung deren Geschichte, Sprache und Kultur erforderlich machte. Am Ende des XVIII. Jhs. machte die wissenschaftliche finnisch-ugrische Forschung nur ihre ersten Schritte, aber schon damals liess es sich allmählich erkennen, das die russische Wissenschaft und Kultur dabei Hilfe leisten könnten. Noch Porthan interessierte sich für russische Folklore, Ganander übersetzte ein russisches Hochzeitslied ins Finnische und veröffentlichte es.

Nach dem Jahre 1809, als sich das Finnland mit seinem neuerhaltenen Recht auf Autonomie an Russland angeschlossen hatte, wurden wissenschaftlich-literarische Verbindungen viel zielbewusster. Schon in den 1810—1820-en Jahren wurden in den Publicationen der finnischen Romantiker in gewissem Masse russische Literatur, Geschichte und Theater beleuchtet. Es erschien L. N. Jacobs Buch über die Lage der russischen Bauern in schwedischer Übersetzung (1820). F. A. Platen übersetzte ins Schwedische das Poem von Puschkin «Der Kaukasiche Gefangene» (1825). Auch in Russland zeigte sich das Interesse für finnische Literatur und Folklore.

A. J. Sjögren bekannter Vertreter der finnisch-ugrischen Forschung, war Anhänger der russisch-finnischen wissenschaftlichen Zusammenarbeit. Im Jahre 1821 veröffentlichte er in Petersburg ein kleines Buch in der deutschen Sprache «Ueber die

Finnische Sprache und ihre Literatur», wo er die Idee der Zusammenarbeit deutlich darlegte. Die Entwicklung und Verwirklichung dieser Idee wurde später in den 1840-er Jahren fortgesetzt.

Die weitere Entwicklung der beiderseitigen Wissenschafts- und Kulturverbindungen erlebte sowohl Aufschwänge als auch Rückgänge, aber sie sie spielen, wie Die Erfahrung zeigt, eine bedeutende Rolle in der Sache der Völkerverständigung.